

ПРОШЛОЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ВИГОВ XVIII ВЕКА

Аннотация: В статье анализируется фактор прошлого в повседневной жизни, который с детства формировал мировоззрение и политическое поведение вигов. А также место истории в их аргументации в ходе парламентской полемики второй половины XVIII в. Интерпретация истории Британии зависела от конкретной политической ситуации в стране, колониальной империи или Европе.

Ключевые слова: Политическая культура, Британия в XVIII в., парламент, парламентские дебаты, виги.

Об авторе: Марина Павловна Айзенштат – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. 105318 г. Москва ул. Ибрагимова, д.5, корп. 1, кв. 124, m.aizen@mail.ru

Темы истории исторического сознания и знания заняли важное место в научных исследованиях М.А. Барга. Интерес к их различным аспектам был реализован в таких фундаментальных работах, как «Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк», «Эпохи и идеи. Становление историзма», незавершенной монографии «От Макиавелли до Юма» и других [5 с. 274-315; 4; 6]. «От Макиавелли...» подготовили к печати и опубликовали ученики Барга, тем самым предоставив возможность ознакомления с основными идеями и положениями задуманного исследования. Из содержания становится ясно, что автор намеревался проследить развитие историзма в контексте эволюции европейской философско-политической мысли. XVIII столетие в этом труде было представлено двумя британцами: Генри Сент-Джоном Болингброком и Дэвидом Юмом. И тот и другой своими произведениями, которые были опубликованы в Британии в середине века, оказали значительное влияние на формирование представлений об истории современников и потомков.

В наше время история исторического знания из проблем, находившихся на периферии исследований отечественных ученых в последней трети XX в., превратилась в одно из динамично развивающихся направлений российской историографии. Исследуются представления о прошлом сочинителей и ученых, концепции научных школ, судьба рукописей, их публикация, восприятие исторических текстов и т.д. Немаловажное место в современных исследованиях заняла и проблема значимости исторического знания в политических дискуссиях. Плодотворность такого подхода позволяет исследовать более широкую проблему, а именно, роль исторического знания в политической культуре общества. Издавна хроники, анналы и исторические сочинения служили обоснованием претензий племени на ту или иную территорию, права монарха на престол. В Новое время их связь существенно расширилась. В жизни британского общества она приняла институциональный и интеллектуальный характер. Опыт прошлого и традиции, зарождавшиеся на основе прецедента, легли в основу механизма функционирования обеих палат английского парламента, сформировали процедуру заседаний и привилегии депутатского корпуса (избрание спикера, свобода слова, неприкосновенность личности) ещё в Средние века. Обращение антиквариев к прошлому парламента в начале царствования Якова I Стюарта было обусловлено реакцией на политику монарха новой династии на троне. В то же время оно отразило усиление позиций нового дворянства и нарождавшейся буржуазии, их стремление укрепить роль парламента утверждениями о том, что королевская власть появилась позднее парламента. Ответом властей стал запрет деятельности общества антиквариев, что лишь невольно подчеркнуло политический характер исторических сочинений. Апелляция к прошлому усилилась в преддверии Английской революции и в годы гражданской войны. Тогда роялисты во главе с Карлом I и сторонники парламента, ссылаясь на эпизоды прошлого и прецеденты, обосновывали свои позиции. С появлением парламентских группировок тори и вигов, а впоследствии с зарождением ради-

кальной мысли усилилась значимость прошлого в формировании их идейно-политических позиций. При этом различные подходы к толкованию истории определяли не только политические взгляды, но и политическое поведение [2 с. 165-180].

Несмотря на значительное число опубликованных исследований, все еще остаются существенные лакуны в изучении связи исторического знания и мира политики, представления о прошлом на повседневном уровне, а также другие аспекты исторического знания.

В статье предпринята попытка осветить некоторые аспекты значения прошлого в повседневной и политической жизни на материале британской истории XVIII в. Тем самым – проанализировать место истории в складывании политической культуры одной из влиятельных политических группировок столетия – вигов. Результаты подобного рода исследования могут существенно дополнить одни положения М.А. Барга, либо проиллюстрировать другие. Термин «политическая культура» имеет неоднозначное толкование. Автор согласен с теми, кто под политической культурой подразумевает не только политическое сознание, но и политические институты [2 с. 165-180].

Прежде чем приступить к изложению материала, необходимо остановиться на истории появления вигов и формировании особенностей их политической культуры в XVIII столетии.

Зарождение парламентских партий тори и вигов связано с размежеванием депутатского корпуса в период, так называемого, «исключительного» кризиса конца семидесятых годов XVII в. Тогда ряд коммонеров предпринял попытку законодательным путем добиться исключения из числа наследников престола католика Якова Стюарта, младшего брата бездетного Карла II. В будущем короле-католике на престоле они видели угрозу английским свободам, а свою инициативу объясняли традициями протестантского характера британского правления. Их оппоненты отстаивали принцип наследственной монархии, который, по их утверждениям, был присущ Англии с древнейших времен. Вскоре первые получили насмешливое прозвище – «виги», а

вторые – «тори» (Подробнее о кризисе см. [1 с. 28-29]. Затея вигов не удалась, тем не менее, кризис обозначил важное разделение в парламенте на тех, кто безоговорочно поддерживал политику монарха и двора. А также тех, кто полагал возможным сопротивление «плохому» монарху.

Яков II взойшел на престол в 1685 г. и стал проводить политику, направленную на расширение участия католиков в управлении государством. Виги, ущемленные возвышением католиков и недовольные поспешными, непродуманными действиями монарха, инициировали «приглашение» главнокомандующего Соединенных провинций протестанта Вильгельма Оранского занять английский престол. Такой выбор был не случаен. Вильгельм Оранский являлся зятем и одновременно племянником правившего короля. После высадки на английском берегу войска Вильгельма осенью 1688 г. Яков II бежал во Францию, предварительно переправив на континент жену и новорожденного сына. Спешно собравшийся парламент решил вопрос о престолонаследии и выработал Билль о правах. На престол были возведены Мария, дочь Якова II и жена Вильгельма, как законная наследница, и её супруг. Этот компромисс отразил царившие расхождения в среде парламентариев, и в то же время показал их способность пойти на уступки ради сохранения мира в королевстве.

Билль о правах явился актом конституционного характера, суть которого состояла в разграничении полномочий ветвей власти. Законодательная была передана парламенту, а за монархом сохранились широкие полномочия исполнительной власти. Мария и Вильгельм согласились выполнять положения Билля, но вскоре Мария передала власть супругу. Так произошло воцарение Вильгельма III Оранского, сохранившего за собой пост верховного главнокомандующего войсками Соединенных провинций.

С самого начала ни тори, ни виги не были политическими партиями в современном понимании. Даже сам термин «партия» утвердился в политическом лексиконе только в конце XVIII в. Это были аморфные образования, не имевшие ни организационных форм, ни сформулированной программы. Речь может идти

о выработке принципов по наиболее важным вопросам и позиции по конкретной ситуации. Виги восприняли идеи Джона Локка, были сторонниками гражданских и религиозных свобод, признавали право на сопротивление негодному монарху. В дальнейшем на рубеже XVIII – XIX вв. на их мировоззрение оказали влияние экономические идеи А. Смита, а на узкий круг – философа-утилитариста И. Бентама. Расхождение во взглядах на королевскую власть, которое выявил «исключительный» кризис, со временем углубилось. Этому способствовали напряженные недели периода Славной революции, когда решался вопрос о престолонаследии и судьбе королевства, а также борьба за власть в связи с проведением выборов в парламент каждые три года. Она получила дополнительный стимул в правление королевы Анны, не скрывавшей симпатий к тори.

Принадлежность к лагерю вигов была обусловлена фактом рождения в семье вигов. Виги представляли собой один большой клан, разделенный на многочисленные группировки. Их политическое влияние определяли социальный статус и экономическое положение лидеров. При этом приход к власти означал приход к власти не всего клана, а лишь отдельной группировки, или их коалиции. Аморфность принципов и реальная конкретная обстановка порой приводили к присоединению оппозиционных вигов к тори. Так поступил молодой политик Роберт Уолпол. Позднее уже в ту пору, когда он возглавил кабинет, недовольные его курсом коммонеры объединились с оппозицией в надежде отстранить его от власти. Наконец, нельзя не упомянуть и группировку «молодых» вигов конца тридцатых – начала сороковых годов, примкнувших к «кружку» наследника престола, враждовавшего с Георгом II, и т.д.

Если в правление Анны кабинеты вигов и тори относительно регулярно сменяли друг друга, то с воцарением новой династии Ганноверов позиции вигов значительно укрепились, так как они сыграли решающую роль в приходе немецкого дома в Британию. Виги бессменно находились у власти с восшествия на престол Георга I в 1714 г. Период до 1760 гг. можно назвать

в полном смысле этого слова «золотым веком» для них. Сохранение власти в руках вигов было обусловлено симпатиями первых двух Георгов и законом 1716 г., который продлил полномочия парламента до 7 лет, использованием недостатков архаичной системы представительства. Более 20 лет кабинет возглавлял Роберт Уолпол. В эти десятилетия складывается политика, в основе которой – коррупция, злоупотребления, воровство. В условиях ограничения королевской власти и при отсутствии наличия реальных политических партий подкуп, раздача пенсий и sinecur стали рычагом функционирования государственно-политического механизма.

Начало шестидесятых годов положило конец пребыванию вигов у власти. В 1760 г. на трон взошел Георг III. Близилась к завершению Семилетняя война, которая принесла сокрушительное поражение противникам Британии. Победы наполняли гордостью сердца вигов. Однако быстро наступило разочарование. Георг III не любил вигов, он отстранил их от власти, намереваясь тем самым покончить со злоупотреблениями их правления. И если, они изредка и ненадолго приходили во власть, то король использовал любую возможность, чтобы как можно быстрее освободиться от присутствия вигов в кабинете.

Оппозиционная борьба нивелировалась с началом войн с революционной Францией, что ознаменовало наступление нового периода в истории вигов XVIII в.

Место прошлого в мировоззрении, политических принципах и поведении английского дворянства было обусловлено традициями повседневной жизни и существовавшими со Средних веков законами. В соответствии с правом первородства поместье и дом наследовались старшим наследником мужского рода. Благодаря преемственности в доме находились поколениями собиравшиеся фамильный архив и библиотека, мебель и посуда, на стенах висели портреты предков. С раннего возраста познавались семейные легенды и предания. Таким образом, с детства отпрыски как родовитых, так и мелкопоместных семейств погружались в атмосферу прошлого. Отличие детей вигов состояло в том, что им

внушалась гордость за принадлежность к вигам, пренебрежительное, а зачастую и враждебное отношение к тори. Эти чувства также имели обоснования, уходившие корнями в историческую память. Семейными традициями был обусловлен выбор школы и университета, где они получали образование, женитьба, а также карьера на политическом поприще в лагере вигов.

Связь с прошлым не разрывалась и во взрослой жизни. Однако для политиков она приобретала особый характер. Прежде всего, он был обусловлен прецедентным правом, которое распространялось на юридическое право, судебное производство и на законотворческую деятельность парламента. В силу этого члены обеих палат парламента должны были обладать основательными знаниями по истории права, парламента и страны [9 с. 298-299]. А в повседневной жизни и политическом споре виги нередко обращались к опыту прошлого. Наиболее ярким проявлением такого обращения стали исторические анекдоты (курьезные события, удачные реплики и т.д.), присутствовавшие в речах и разговорах, что нашло отражение в их переписке [9 с. 32, 33-34, 44, 74-75, 88-89, 121 и др.; 14 р. 278, 285, 312, 325; 10 р. 57-58]. Все это позволяет говорить об определенной размытости грани между прошлым и настоящим.

Этот феномен отмечал М.А. Барг на примере Италии: «Италия являлась прямой наследницей Древнего Рима, обладательницей большей части сохранившихся материальных и письменных сокровищ древнеримской цивилизации. Как материальная культура классической древности здесь никогда не умирала. Жителям этой страны она напоминала о себе зримо на протяжении всего средневековья. Величественные памятники древнеримского зодчества встречались на каждом шагу, и не только в «вечном городе». Жители Вероны, например, постоянно лицезрели римский амфитеатр. Немало фрагментов классических сооружений – колонны, капители, надгробия и др. – было повсеместно «включено» в здания христианских церквей. Однако если история столь устойчива, если ею дышат повседневно, то её перестают

воспринимать как прошлое. Течение времени прекращается. Оно превращается в вечное «настоящее» [4 с. 205-206].

Поэтому не удивительно, что сами политики становились авторами сочинений на исторические темы. К ним относились составленные родословные семей, изложение фактов, сюжетов и политических событий прошлого, и даже исторические романы.

Для человека XVIII столетия история не являлась самостоятельной отраслью научного знания, она воспринималась особой областью литературы, что объясняет повышенные требования к форме и стилю сочинений. Эти тексты представляли собой не только и не просто занимательное чтение. Истории отводились важные назидательные и воспитательные функции. Так, история Британии и других стран играла роль своеобразной «кладовой», из которой можно было черпать позитивные и негативные примеры как поведения и поступков людей, так и действий властей. Прежде всего, в этом плане значимая роль отводилась биографиям государственных деятелей, полководцев, политиков, ученых. Интерес общества к таким сочинениям был чрезвычайно велик. Это значение возрастало в трудах британских интеллектуалов в следующем столетии [8 с. 249-262].

Среди авторов такого рода сочинений были и виги. Достаточно сравнить портреты, написанные Ф.Честерфилдом и Э.Берком. Разница во времени написания, а также происхождения, образования, темперамента, наконец, убеждений проследживается в подходе и форме изложения.

Эссе, написанные Филиппом Стенхопом, графом Честерфилдом относятся к середине столетия. Ф.Честерфилд – отпрыск родовитого семейства вигов, государственный и политический деятель, публицист. В своих сочинениях стремился быть максимально объективным и непредвзятым. Он написал краткие и яркие портреты монархов, политиков и своих друзей, многие из которых уже закончили свой земной путь. Автор раскрыл их позитивные и негативные черты характера. Несмотря на намерения, Честерфилд не смог преодолеть как антипатии к Георгу I и Георгу II, Роберту Уолполу, так и симпатии к своему другу и врачу

Арбатноту. Он решительно осуждает в людях страсть к обогащению, корыстолюбие и непомерное честолюбие. Его симпатии вызывают обширные знания, умение вести себя в обществе, а главное – способность не ронять достоинства и чести [9 р. 252-276]. Эссе Честерфилда в полной мере воплотили традиции историописания Просвещения, к мыслителям которого «исторический процесс оборачивался ...если и не исключительно, то главным образом своей субъективной стороной» [5 с. 306].

Сочинения Берка о политиках отличал эмоциональный, восторженный стиль изложения, что напрямую было связано с его представлениями о роли аристократии в истории и жизни страны. Так, например, в очерке о Джордже Гренвилле автор писал о его благородстве и бескорыстии, «намерении принести благополучие обществу». Далее он подчеркивал, что Гренвилль был амбициозным человеком, но свое возвышение связывал не с мелкими политическими интригами или поддержкой двора. А приход к власти для него означал, по словам автора, осуществление возможности служения народу (London magazine ... for the 1775. February. P. 64-65).

И, хотя «Характеры» Честерфилда, пожалуй, больше говорят о его «героях», чем сочинения Э.Берка, главным остается сохранение традиций историописания Просвещения в описании человеческих характеров и в последние десятилетия столетия.

Наибольший интерес для вигов представляла политическая история. Так, Горацио Уолпол, один из наиболее просвещенных людей своего времени, – автор «Истории правления Георга II», в которой запечатлено последнее десятилетие пребывания на троне короля. Однако фигура монарха мало занимала автора. По сути это была летопись побед вигов над тори в парламентских «баталиях» от сессии к сессии.

В парламенте обращение к прошлому носило ярко выраженную политическую окраску, но имело разный характер. Чаще всего это могли быть упоминания исторических персонажей, фактов и событий прошлого. Изредка в центре обсуждаемого вопроса могло находиться толкование того или иного явления, традиции.

Характерным примером первого может служить, прежде всего, упоминание статутов прежних правителей. В силу прецедентного права до шестидесятых годов столетия оно было частым и довольно подробным, порой звучал их длинный перечень. Но уже в семидесятые годы такие упоминания существенно сократились. Это можно объяснить, в первую очередь, проявлением изменений в жизни общества: появились дела, которые не имели прецедента. Среди них: индийский билль, разрешение иностранцам вкладывать деньги в вест-индские плантации, бостонское чаепитие и др. Получил новое звучание вопрос о литературной собственности (авторского права). Издательское дело расширялось, владельцы типографий печатали книги без ведома авторов и не выплачивали им гонораров. В силу этого – парламентариям приходилось ссылаться уже не на столь отдаленное прошлое, как прежде. Всё реже звучали ссылки на законы, принятые ранее правления Елизаветы I. Чаше всего встречается обращение к временам правления первых Стюартов – т.е. первой половине XVII в. [12, v. 18, 1144, 1146, 1207, 1210, 1216, 1221; v. 19, 82-86, 111-115, 125-126, 300-302; v. 20, 60, 69, etc.]

Примером второго может служить дискуссия, вызванная обстоятельствами выборов в графстве Оксфорд (Подробнее о выборах и обсуждении их итогов см.: [3 с. 121-128]), по вопросу о копигольдерах, допущенных к голосованию, но не имевших такого права. В длительном, многомесячном обсуждении значительное место заняло их происхождение и социальный статус.

В числе выступавших был и Г. Уолпол. Он решительно отверг прозвучавшие предположения ораторов-тори об опасности для конституции из-за того, что не соблюдается закон о выборах. Копигольдеры, утверждал он, никогда не голосовали и не должны были голосовать на выборах в парламент. Копигольдеры – держатели земли по воле их лорда, в силу этого они не представляют собой часть народа, так как являются низшим слоем древних жителей, которым саксы после завоевания Англии позволили жить среди них и служить им. По этой-то причине они называются

местными жителями, либо – туземным населением (natives). От саксов они получили небольшие наделы земли с тем, чтобы могли обеспечить себя и свои семьи (о традициях манора, статусе фригольдеров и копигольдеров см.: [7]).

Уолпол обратился к давним временам. Тогда, по его словам, мятежные бароны вырвали у Генриха III указ о выборах двух рыцарей от каждого графства, двух – от жителей каждого города и двух – от каждого местечка. И фригольдеры, как свободные владельцы небольших наделов земли, получили право голоса. После победы над баронами указ был отменен, но восстановлен при Эдуарде I. Со времен Елизаветы I шерифы иногда стали допускать копигольдеров к выборам. Это они рассматривали в качестве тяжелой повинности, так как посылка своих представителей в палату, были вынуждены нести дополнительные расходы. Тяжесть такой повинности объяснялась тем, что избиратели должны были оплатить расходы по поездке своего представителя в парламенте.

На протяжении веков копигольдеры были зависимы, но теперь уже много лет, как они стали свободными в связи с тем, что их держание превратилось в своего рода ренту по традиции манора, а кое-где и по закону. Свободу копигольдеров он связывал также и с тем, что в период правления Вильгельма и Марии они были включены в состав присяжных. Таким образом, копигольдер свободен, как и фригольдер. А при условии получения им дохода в 300 фунтов стерлингов в год он уже именуется джентльменом и может заседать в палате, как представитель своего города, местечка или порта; а при наличии дохода в 600 фунтов – в качестве представителя от графства. В этом Уолпол видел большое преимущество для конституции и свободы. Сравнивая государство с пирамидой, он говорил, что его устойчивость зависит от крепкого и обширного базиса. Эту устойчивость создает конституция, которая дает право каждому свободному человеку принимать участие в законодательном органе лично или через представителя. На данный момент большинство копигольдеров лишено этого права, но изменение прибавит си-

лы конституции. Более того, их надо также наделить и правом полноценного участия в делах советов графств. Тем самым, оратор высказался за расширение электората и политических прав значительной части населения страны. Уолпол подчеркивал, что уже в некоторых графствах Англии и многих графствах Уэльса некоторые категории копигольдеров участвуют в выборах рыцарей [12 v. 15, 441-450].

Длительная и бурная полемика дает представление о мировоззрении политической элиты середины столетия, когда позиции тори были незначительны, а борьба за власть протекала между группировками вигов. Дискуссия по вопросу о копигольдерах выявила утвердившееся в их среде представление о том, что дворянство и фригольдеры являлись прямыми потомками завоевателей. А копигольдеры - потомками местного населения, сохранившегося со времен саксонского завоевания. А с ним они связывали социально-экономическое и политическое устройство Британии и вытекавшее из него социальное и политическое неравенство. Тем самым, в реконструкции истории англо-саксонского завоевания и его последствий виги не принимали во внимание ни норманнское завоевание, эпидемии, гражданской войны, изменений в экономике и т.д. Такой схематичный взгляд, носивший упрощенный подход, в котором явно прослеживалось отрицание развития, историзма (за редким исключением), имел в своей основе важные политические причины – а именно, придание законности воцарения Ганноверской династии в Британии.

К этому времени утвердилось представление вигов о собственной роли в истории страны, которое формировалось на протяжении первой половины века. В истории Британии они видели себя не просто поборниками прав и свобод своей страны. Сложилась убежденность, что с древних времен именно виги были связаны с монархами и двором. Виги видели себя хранителями традиций парламента, и это представление о собственной роли возрастало в периоды кризисов. Именно такая самооценка во многом обусловила характер их обращения к про-

шлому в парламентской полемике в последние десятилетия XVIII в. [11 p.1-15], когда изменилось их политическое поведение в связи с переходом в оппозицию. А политику монарха они расценивали, как намерение ограничить власть парламента за счет возвышения королевской власти.

В противостоянии политике кабинета и монарха оппозиция окрепла. В аргументации своей позиции виги чаще, чем то-ри прибегали к примерам из прошлого. Наиболее характерна такая апелляция для Э. Берка. Пожалуй, можно утверждать, что фраза «обратимся к истории прежних времен» была присуща духу его выступлений (см., например: [12 v. 18, 1154]). Один из лидеров вигов Ч.Фокс использовал в своих речах примеры из истории реже, скорее даже эпизодически. В этом сказывался не столько уровень образования и знаний, сколько склонность Берка к анализу происходивших событий, который осуществлялся сквозь призму прошлого.

Расширилась география упоминаемых событий из истории других стран. Приводились примеры из истории Рима и Афин; раннего нового времени Франции, Испании, Австрии, Швеции, Нидерландов, Китая. Из упоминаемых античных историков кроме Тацита – звучали имена Ливия и Фукидида (см., например: [12 v. 18. 886, 1032, 1049, 1061, 1073, 1169; v.19, 29, 37, 119, 203, 489, 528; v. 20. 4-5, etc.]).

Истории в парламентской полемике отводились, прежде всего, назидательные функции. История выступала в роли ментора, учителя. Неоднократно звучали слова: «история учит». В наиболее спорных, либо сложных ситуациях могли раздаться такие слова: «пусть этот пример (из прошлого – М.А.) станет для нас уроком» (см., например: [12, v. 16. 651; v. 18. 1154]).

«Наша история – это компендиум прецедентов», говорил Уильям Мередит (см., например: [12 v. 17, 30]). И действительно, прошлое предоставляло аргументы для всех противоборствующих сторон. Так, законность исключения Д.Уилкса из числа членов парламента сторонники правительства обосновывали подобными примерами. Они утверждали, что такие же

действия властей в прошлом не спровоцировали «беспокойства» народа, и не привели к волнениям. А глава кабинета Лорд Норт ссылался на прецеденты наказаний городов при обсуждении ситуации с мятежным Бостоном и др. (см., например: [12, v. 17, 134; v. 18, 1036]).

Наконец, хотелось бы обратить внимание на нередкое упоминание ошибок правителей прежних времен. Такие упоминания в речах вигов становились своего рода предостережением властей от неверного (по их мнению) шага кабинета. Когда обсуждался вопрос об аресте олдерменов лондонского Сити, виги ссылались на обстоятельства правления Якова II. Тогда король велел посадить в тюрьму 7 епископов, недовольных возвышением католиков. Результатом непродуманных действий стало превращение заключенных в героев. При этом ораторы-виги упоминали не только опрометчивые действия правителей Британии, но и монархов других стран (см., например: [12 v. 16, 814; v. 18, 1180, 1148; v. 19, 77, 203]).

Однако история Британии превалировала в речах вигов. Главными действующими лицами прошлого выступали парламент, народ и монархи.

В речах вигов парламент представлял защитником прав народа, выступавшим против всевластия и злоупотреблений короны. На протяжении веков он стоял на страже свободы личности и свободы собственности, безопасности и порядка, и т.д. [12 v. 17, 30; v. 18, 1015; v. 19, 498; etc.]. В истории парламента вигами обычно выделялись акты конституционного характера – Великая Хартия Вольностей, Хабеас Корпус Акт и Билль о правах, порой упоминалась также Петиция о праве.

При этом в радикальном крыле вигов сохранялось представление о ежегодных выборах в парламент. Этот тезис был обусловлен своеобразным толкованием ранней истории Англии. Наиболее ярким и регулярным изложением такой версии истории стали выступления олдермена Соубриджа.

Суть его взглядов сводилась к следующим положениям. Конституцию в Англии впервые ввели саксы, они ежегодно из-

бирали офицеров. Законы и традиции саксов сохранились при установлении монархии и просуществовали вплоть до норманнского завоевания. Тогда и был нанесен удар по «нашей превосходной конституции»; «законную, равноправную и свободную форму управления сменила монархическая тирания». Гражданское право сменило право обычное. С этого времени народ воевал с королями, не доверяя им. Это продолжалось до тех пор, пока лорды не вынудили Иоанна Безземельного подписать Великую хартию. Преемник Иоанна восстановил парламент. Однако истинный парламент появился при Эдуарде III. Эдуард постановил, что парламент должен собираться ежегодно, а если необходимо, то и чаще. На протяжении его 50-летнего правления было 44 парламента – отсюда Соубриджем и делался вывод, что сроки полномочий парламента не превышали одного года. И так велось вплоть до Генриха VIII, в правление которого парламент функционировал на протяжении 7 лет.

Следующим длительным по времени был Долгий парламент. Однако Соубридж подчеркивал, что не берется ни осуждать, ни защищать противостояние сторон тех дней, тем самым он избежал необходимости оценить произошедших драматических событий противостояния короля и парламента. Реставрация возвратила к жизни парламент, но при Карле II начался подкуп коммонеров. Для того, чтобы покончить с коррупцией после Революции (Славной) принят трехгодичный акт. В 1716 г. через 2 года после восшествия Ганноверов введен 7-летний срок полномочий парламента. Оратор оправдывал эту меру: время было «тревожное» из-за свергнутых, но пытавшихся вернуть трон Стюартов. По сей день, утверждал Соубридж, в парламенте процветает коррупция. Коммонеры рассматривают себя не представителями народа, а лицами, которые получили собственность в виде парламентского места и выгодно сдали его в аренду [12 v. 17, 322-325].

Свои идеи Соубридж высказывал ежегодно, иницилируя рассмотрение вопроса о сокращении сроков полномочий парламента [12 v.17, 691, 1050-1051; v. 18, 216-217]. Каждый раз

настойчиво звучало осуждение коррупции, и, как он говорил, «сервильности» парламента.

Таким образом, наблюдалось противоречие в оценке исторической роли парламента. С одной стороны, он выступал в роли защитника интересов народа, с другой – его разьедала коррупция и стремление угодить монарху. Противоположные точки зрения не связаны напрямую с принадлежностью оратора к партии вигов или тори. И те и другие, находясь в оппозиции, на протяжении века выступали с предложением частичных изменений наиболее вопиющих недостатков системы представительства, что было призвано исправить положение.

Из монархов виги выделяли Вильгельма Оранского. В их речах он предстал «великим человеком, который восстановил свободу в Британии». С его именем связывалось осуществление «Великой революции, принесшей эру свободы, счастья Британии», наконец – «он принес честь имени англичанина» [12 v. 16, 971, 973; v. 17, 1055, 1018; v. 18, 290; v. 19, 190]. И в высказываниях о нем озвучивались те черты, которыми должен был бы обладать идеальный король, «превосходный суверен» – это тот, чьи интересы не расходятся с интересами подданных, кто честен с ними. Все остальные короли, правившие в Британии, именовались деспотами, т.е. неограниченными правителями [12 v. 16, 971; v. 17, 1018]. Среди деспотов виги выделяли Стюартов. Их политика рассматривалась ими в качестве первопричины истоков обеих революций: короли слишком полагались на министров, а в своей деятельности не прислушивались к голосу народа. Если бы они чаще и более внимательно вчитывались в Великую хартию вольностей и Петицию о праве, то Славная революция не понадобилась бы, утверждали они [12, v. 16, 748]. Тем самым, апеллируя к прошлому, виги видели первоестественную задачу монарха в соблюдении прав и интересов народа.

Именно таков был подтекст при упоминании как имени «несчастливого короля» Карла I [12 v. 16, 721], так и событий революции середины XVII в. Эти события упоминались в выступлениях вигов, направленных на критику современной политики

властей [12 v. 16, 721]. Примером могут служить слова полковника Барэ о «насилии» Карла I. Это насилие было связано с тем, что король нарушил традиции и права палаты общин: он вошел в палату общин с целью лично арестовать пять коммоне-ров, Этот поступок не имел прецедента и нарушал традиции. Одним ударом, как Калигула, говорил оратор, можно разрушить конституцию, можно отправить в свою Бастилию всех кто защищает свободу нашей страны. Но в таком случае будет напрасной надежда, что насилием и террором можно погасить древний огонь свободы острова [12 v. 17, 152].

Обращение к английской буржуазной революции напрямую было связано с непродуманными шагами правительства в отношении американских колоний. По мере нарастания противостояния метрополии и колоний усиливалось политическое размежевание, сказавшееся в оценке политики центра. Именно тогда участилось сравнение с действиями властей и парламента. Так, Т. Тауншенд утверждал: те, кто поднял оружие против короля, действовали безупречно и заслуживают похвалы [12 v. 17, 315]. А Фольстоун признавал, что революция разрушала традиции, но при этом она восстанавливала права англичан [12 v. 18, 183]. Любопытна в этом вопросе позиция тори. Она прозвучала, наряду с другими, в выступлении Р. Ньюдигейта. Он заявлял, что сам не является сторонником или защитником каждого акта Карла. А далее, не называя имени автора, оратор заговорил об «Истории Англии» Д. Юма: ни один историк, каковы бы ни были его дарования, не будет защищать тех, кто выступил против Карла I. Один такой попытался, но не добился, ни успеха, ни признаний, так как его взгляды не согласуются, ни с религией, ни с образом правления в стране, утверждал оратор [12 v. 17, 316].

По мере дальнейшего обострения отношений с американскими колонистами возрастал мотив сравнения с событиями кануна Английской, либо Славной революций, настроений колонистов и подданных Карла I. В нижней палате Джонстон утверждал: теперь ясно, что народ Америки преисполнен тем же настроением и решительным духом, и побуждаем тем же энту-

зиязмом, с которым наши предки восстали против требований короны в дни правления Карла I и встали на защиту высоких доктрин парламентского превосходства. В случае поражения американцев ждет сокращение их свобод до уровня свобод жителей владений Франции или Испании [12 v. 18, 60].

Вновь и вновь повторялись сравнения обложения налогом на чай колонистов с корабельными сборами, которые ввел Карл I [12 v. 17, 1203, 1211]. Между тем, симпатии в высказываниях вигов были скорее исключением, нежели правилом. Таким исключением стали слова лорда Чатама о конгрессе. Он отозвался о нем, как о более широком и более благоразумном собрании, чем те собрания, которые существовали во времена Древней Греции. Во всей древней истории, сказал он, мы не встретим более благородных собраний как конгрессы американцев [12 v. 18, 1570].

Аргументы оппозиции, пытавшейся предотвратить «силовой вариант» решения вопроса, вышли за рамки аналогии с революциями XVII в. Вопросы, так или иначе связанные с положением дел в колониях, неизбежно вызывали апелляцию к прошлому, причем она приобретала различную форму. Порой ораторы в целях усиления подкрепления собственной позиции прибегали к легендам и мифам, когда возникал образ отца и сына. Как правило, отец поступал несправедливо [12, v. 18, 191, 306, 309, 341, 343, 348, 349, 894-895]. Предостережения вигов не смогли остановить ни монарха, ни кабинет, ни начало войны с колонистами.

С годами в речах вигов усиливалась роль актов конституционного характера в контексте упоминания гражданских свобод: безопасности личности и собственности, свободы прессы, право иметь оружие, представительство и суд присяжных. Они появились благодаря мудрости предков, и виги расценивали их в качестве своего рода наследства [12 v. 29, 580, 1043-44, 1188-1192, etc.]. В сакрализации конституции, по которой парламент, по заверениям вигов, жил «с древнейших времен», воплотилась боязнь усиления королевской власти. Тем самым, древнейшему устройству государства противопоставлялась власть монарха из

Ганноверского дома, взошедшего на британский престол благодаря закону о престолонаследии, принятому в годы правления Вильгельма Оранского.

Обращение к конституции, кроме того, активизировало обсуждение дел во Франции. В обществе радикалы и виги (на начальном этапе) с восторгом встретили известия об ограничении власти короля и начале разработки конституции. В палате общин горячими сторонниками французской революции выступали Ч.Д.Фокс и Шеридан. Иную позицию занял Берк. Он категорически высказался против сравнения революции во Франции со Славной революцией, подобные параллели часто звучали на рубеже восьмидесятых – девяностых годов. Во Франции, утверждал Берк, разрушено всё: монархия, церковь, дворянство, законы, армия, торговля и т.д. Люди не знают умеренности, царит анархия и насилие. Тогда как нужно было только подправить порядок в государстве и придать ему законность. В Англии была иная ситуация. Настоящие патриоты выступили против деспотизма Якова II. Цвет английской аристократии обратился к принцу Оранскому, принцу королевской крови. Они призвали его защитить древнюю конституцию, что тот и сделал. Ничто не было разрушено в стране, ни церковь, ни армия, ни торговля [12 v. 28, 354-372]. Иная интерпретация Французской революции, основанная на другом видении событий Славной революции, привела к разрыву Берка с группировкой Ч.Фокса. А в дальнейшем появлении на свет известного сочинения Э. Берка «Размышления о революции во Франции» и зарождению консервативной мысли в Британии.

Итак. В повседневной жизни прошлое, закрепленное традициями, играло важную, решающую роль в жизни вигов уже с момента рождения в семье, принадлежавшей к этому политическому направлению, а также на протяжении дальнейшего жизненного пути. Тем самым оно предопределяло как политические взгляды, так и политическое поведение. А его направленность зависела от конкретной ситуации.

С отстранением вигов от власти в начале 60-х годов обозначилось и стало развиваться новое политическое поведение, в их лагере обозначились элементы организации. В политической идеологии и политическом поведении возросло значение фактора прошлого. Рассматривая себя хранителями свобод народа и традиций парламента, виги, находясь в оппозиции, обращались к историческим фактам и событиям в целях подкрепления собственной позиции. Такая апелляция усиливалась в периоды кризисов, что явилось свидетельством политической окраски использования прошлого в парламентской полемике. При этом следует отметить и определенный политический прагматизм, что прослеживается в упоминании событий Английской революции. Высказывания носили отрывочный характер, на их основе можно выявить взгляды вигов лишь на отдельные исторические события или факты прошлого, но не систему взглядов на всемирную историю, или исторический процесс.

Вместе с тем, в силу отсутствия организационного единства и сформулированной программы значение прошлого в общественной и частной жизни, государственно-политической деятельности можно проследить на примере изучения представлений об истории отдельных интеллектуалов, оставивших заметный след в жизни страны благодаря их историческим сочинениям, мемуарам и переписке.

«Историческое сознание, писал М.А. Барг, – при всей противоречивости форм его проявления – выступает как фундаментальная мировоззренческая характеристика культуры любой эпохи» [4 с. 8]. Исследование представления вигов о прошлом позволяет не только выявить его место в повседневной жизни, но и существенно расширяет наше знание о политической культуре Британии XVIII столетия.

Литература

1. *Айзенштат М.П.* 2007: Британия нового времени. Политическая история. М.
2. *Айзенштат М.П.* 2015: Прошлое в политической культуре Британии второй половины XVIII в. // Диалог со временем. №51. / Л.П. Репина (ред.). М. 165-180.
3. *Айзенштат М.П.* 2010. Политика и история в Британии середины XVIII в. // Британская ойкумена российской новистики. / О.В. Бодров (ред.). Казань.
4. *Барг М.А.* 1987: Эпохи и идеи. Становление историзма. М.
5. *Барг М.А.* 1978: Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк. / Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М.
6. *Барг М.А., Авдеева К.Д.* 1998: От Макиавелли до Юма. Становление историзма. М.
7. *Винокурова М.В.* 2002. В мире английского манора. М.
8. *Соколов А.Б.* 2014: «Первый урок для юношей»: формирование представлений о роли истории в трудах британских моралистов и педагогов в первой трети XIX века. // Британские исследования. / В.Ю. Апрыщенко (ред.). СПб.
9. *Честерфилд Ф.* 1971: Письма к сыну. Максимум. Характеры. М.
10. *Cavendish W.* 1982: Memoranda: or state of Affaires; The Devonshire diary, 1759-1762. L
11. *Mitchell L.* 2007: The Whig world. L., 2007.
12. *Parliamentary history of England/* 1813. L.
13. *The Grenville papers.* 1858. V.1.
14. *Walpole H.* 1840: The Letters of Horace Walpole, Earl of Oxford. L., v.2.